

Над территорией школы солнце медленно подползало к зениту.

Ученики сидели на уроках, и из окон учебного корпуса один за другим доносились звонкие голоса, хором зачитывающие текст:

— Вдоль ручья он шел, позабыв, сколь далек его путь... и вдруг предстал пред ним персиковый сад...

Шуйсин и Сюй Син прошли мимо Вана Кэлэ. Они лишь вскользь мазнули взглядом по лишенному ног труп — ни один мускул не дрогнул на их лицах, словно они увидели не оборвавшуюся человеческую жизнь, а какую-то досадную помеху под ногами.

К седьмой смерти все здесь уже успели привыкнуть.

За обедом в столовой раскол среди игроков обозначился со всей отчетливостью.

После утреннего разговора в классе скрывать свои мотивы больше не имело смысла, и хрупкая видимость мира окончательно рухнула.

Теперь выжившие разделились на два лагеря: одни требовали немедленно проголосовать против Эньцзиня, другие упорно пытались разыскать зацепки и вычислить загадочного учителя. При встрече члены враждующих фракций невольно отводили глаза — пропасть взаимного недоверия росла, а в воздухе так и витало негласное: «нам не по пути».

Чжан Гоцян, Шуйсин и Сюй Син заняли столик в углу. Цинь Цзинцзин с подносом в руках по привычке направилась было к Шуйсин, но, наткнувшись на холодные, тяжелые взгляды мужчин, осеклась. Поколебавшись пару секунд, она развернулась и поспешила к сидевшим неподалеку Гу Мэну и его спутникам.

— Мужчины, помягче надо быть, — Шуйсин недовольно надула губы, палочками ковыряя картофельную соломку в тарелке. — Вы же Цзинцзин до смерти напугали, она аж сбежала.

Чжан Гоцян угрюмо молчал, механически заталкивая в рот рис. У Сюй Сина аппетита не было вовсе; сцепив пальцы замком и опершись локтями о стол, он невидящим взглядом уставился на столешницу и тихо пробормотал:

— Чертовщина какая-то. Все произошло слишком быстро. Не успел он выйти, как и минуты не прошло... Какое-то дикое совпадение. У меня такое чувство, будто за каждым нашим шагом следят.

— И следит явно не человек, а Чуныцзы, — подхватила Шуйсин, откладывая палочки. — Послушайте, а вам не кажется, что смерть Вана Кэлэ до странности напоминает то, что случилось с Чэнем Лянчжи?

— И что тут общего? — хмуро бросил Чжан Гоцянь, косо глянув на нее. Смерть товарища нагоняла на него тоску, и он пребывал в отвратном расположении духа. — Одного ободрали как липку, второму оторвали ноги и спустили с лестницы. Сходство тут разве что в одном: оба померли лютой, жуткой смертью.

Шуйсин покачала головой, небрежным жестом откинула упавшую на щеку прядь длинных волос и тихо заметила:

— Момент. Момент был выбран один и тот же.

На стеклах очков Сюй Сина блеснул холодный ответ.

— Поясни.

Шуйсин неторопливо промокнула губы салфеткой, откинулась на спинку стула и принялась рассуждать:

— Чэнь Лянчжи ведь спал и видел, как бы подговорить всех проголосовать против Эньцзиня, помните? И стоило ему начать признаваться во всей этой истории со звонками и сообщениями, как его тут же прихлопнули. А теперь Ван Кэлэ. Он с самого начала поддерживал Чэня, ратовал за то, чтобы избавиться от Эньцзиня, и погиб как раз по пути к Юй Мэнмэн... — Она выдержала театральную паузу и закончила мысль: — Из тех, кто готов нас поддержать, осталась только Юй Мэнмэн. Теперь нас четверо против пятерых. Мы не сможем потребовать у Сяоюй классный журнал. И у меня складывается стойкое ощущение, что Чуныцзы изо всех сил выгораживает Эньцзиня.

Чжан Гоцянь и Сюй Син переглянулись. Действительно, если вдуматься, все сходилось. Без Вана Кэлэ у них не хватало голосов для решающего шага.

— Но с какой стати призраку Чуныцзы защищать Эньцзиня? — растерянно пробормотал Чжан Гоцянь.

Сюй Син нахмурился, его лицо потемнело.

— Это не защита. Раз правила игры предусматривают метод проб и ошибок, призрак не стал бы беречь простого обывателя. Подумайте сами: если Эньцзинь и есть тот самый учитель, то пока он дышит, игра не закончится. А значит, Чуныцзы сможет безнаказанно кромсать нас и дальше.

— Чертова полоумная игра... — раздраженно выдохнул Чжан Гоцянь. — Эта тварь просто не хочет, чтобы веселье прекращалось. Она издевается над нами, водит за нос!

Шуйсин согласно кивнула и спросила:

— Но раз Ван Кэлэ не пересылал то сообщение, но все равно погиб, значит ли это, что рассылка вообще ни при чем?

Сюй Син едва заметно расслабился.

— Пожалуй, на время примем эту рабочую версию. Если уж на то пошло, то заговор по СМС — это прямое нарушение правил. Но кара должна была настигнуть только Чэня Лянчжи, ведь он был зачинщиком. Остальные игроки чисты.

Шуйсин облегченно выдохнула. Чжан Гоцян доел остатки обеда, придвинулся ближе к середине стола и заговорщически прошептал:

— И что нам теперь делать? Если мы уверены, что Эньцзинь и есть учитель, то это гонка на выживание. Кто окажется быстрее — мы или Чуныцзы? Нужно как можно скорее слить его на голосовании и покончить с этим кошмаром.

— Если бы только все действовали сообща, — со вздохом отозвался Сюй Син. Он покосился на соседний столик, и на его очках зловеще блеснул блик. — Придется перетягивать людей на свою сторону. Их пятеро. Если сманим хотя бы одного — победа за нами.

— А как же буквы? — спросила Шуйсин. — Что значат эти А, В и О?

Чжан Гоцян лишь отмахнулся:

— Да какая разница. Пустое это.

— А всё-таки, что означают эти три буквы: А, В и О? — тихонько поинтересовалась Цинь Цзинцзин, переводя взгляд с одного красавца на другого за своим новым столом.

Гу Мэн отхлебнул супа и честно развел руками:

— Мой английский оставляет желать лучшего. Я до сих пор все двадцать четыре буквы алфавита вспомнить не могу, так что тут я плохой советчик.

— Ну ты и неуч, — хмыкнул Бо Е, изящно промокнув уголки губ салфеткой. Он вальяжно откинулся на спинку стула, потягивая свой напиток через трубочку. — В латинском алфавите двадцать шесть букв.

Цинь Цзинцзин не выдержала и прыснула в кулак, изо всех сил стараясь сохранить приличие.

Гу Мэн поперхнулся рисом. Почувствовав, как уши предательски заливает краской от подколки Бо Е, он схватил со стола пачку салфеток и швырнул ее в шутника, пытаясь скрыть смущение:

— Подумаешь, считать он умеет! Тоже мне, гений математики выискался, прямо лопнет сейчас от важности!

Бо Е со смешком уклонился от летящей пачки, но тут же перевел взгляд на Тан Чжи. Младший, подперев щеку, задумчиво ковырял палочкой в тарелке, тоскливо выводя невидимые узоры.

Бо Е отставил стакан:

— Солнце, ты чего? Еда невкусная?

Тан Чжи медленно покачал головой. Кончик его палочки продолжал упрямо чертить на подносе буквы А, В и О.

— Никак в толк не возьму, — тихо произнес он.

— Не ломай голову понапрасну, — Бо Е мягко придвинул к себе его поднос, взял чистую ложку, зачерпнул немного риса с овощами и поднес к губам юноши: — Давай, хороший мой, сначала поешь.

Тан Чжи послушно приоткрывал рот, принимая пищу, но жевал совершенно механически, продолжая хмуриться и выводить на столе бесконечные буквы. Бо Е терпеливо, ложка за ложкой, продолжал кормить своего ненаглядного.

Сидевшая напротив них Цинь Цзинцзин во все глаза наблюдала за этой сценой. На ее щеках выступил нежный румянец. Она легонько толкнула локтем Гу Мэна:

— Надо же, они так ладят... Какая нежность.

При упоминании их «отношений» в памяти Гу Мэна мгновенно всплыл вчерашний яростный скрип кроватных пружин. Почувствовав себя крайне неловко, он поспешно уткнулся в свою тарелку и неопределенно угукнул, давая понять, что обсуждать пикантные подробности чужой личной жизни не намерен.

Доселе хранивший молчание Эньцзинь вдруг подал голос:

— Бо Е не только кормит Канди с ложечки. Он еще умывает его по утрам и наряжает в платья.

Глаза Цзинцзин мечтательно заблестели, и она восторженно вздохнула:

— О-о-о... Какая забота! Предел мечтаний.

Бо Е самодовольно усмехнулся, уже готовый выдать что-то вроде: «Свою половинку и побаловать не грех», но Эньцзинь беспардонно его перебил, продолжая делиться с девушкой жареными подробностями:

— А еще по ночам Бо Е, боясь, что Канди слишком утомится, заставляет его стоять на коленях. Говорит, мол, так гораздо легче...

Гу Мэн застыл с открытым ртом. Из его ослабевших пальцев с тихим стуком вывалилась палочка для еды.

Эньцзинь преспокойно вещал дальше:

— Канди жаловался, что слишком глубоко, не лезет, а Бо Е без конца называл его маленьким развратником и просил потерпеть.

Дзинь!

Ложка Бо Е со звоном сорвалась в тарелку. Гу Мэн поднял взгляд: тот все еще застыл с протянутой рукой, только кадык нервно дернулся, а на лице проступила вся гамма чувств — от леденящего ужаса до полного, экзистенциального отчаяния.

Рядом с ним Тан Чжи судорожно сжимал палочку побелевшими пальцами, его плечи мелко дрожали. Прелестное лицо юноши залила густая, пунцовая краска, а в широко распахнутых глазах, устремленных на Эньцзиня, закипали слезы. В этом потрясенном взгляде смешались жгучая стыдливость, ярость и дикая растерянность.

Цинь Цзинцзин только с виду казалась скромницей, но на деле оказалась весьма искушенной особой. Смысл сказанного дошел до нее в мгновение ока. Смутившись, она торопливо опустила голову и принялась усердно ковырять гарнир, однако предательская улыбка так и расползалась по ее лицу.

Абсолютно не замечая, как накалилась атмосфера за столом, Эньцзинь методично пережевывал обед:

— И ради блага Канди посреди ночи Бо Е даже бегал за водой, чтобы хорошенько вымыть все изнутри после того, как кончил в него.

Гу Мэн едва не поперхнулся воздухом от столь интимных откровений. Этот ненормальный что,

всю ночь лежал с открытыми глазами и конспектировал?!

Эньцзинь на секунду замер, отложил приборы и с самым невинным видом уставился на Тан Чжи, озвучивая вопрос, который не давал ему покоя с полуночи:

— Так что именно и куда вы залили?

Цзинцзин отчаянно закусила губу, едва удерживаясь, чтобы не закричать от восторга.

Гу Мэн среагировал молниеносно: подцепил палочками кусок жареной рыбы и безжалостно заткнул им рот Эньцзиня, скороговоркой причитая:

— Ну надо же, какой любознательный мальчик, сразу два вопроса за раз... Когда я ем, я глух и нем! Меньше болтай, больше жуй — быстрее вырастешь.

Хрусь!

Тан Чжи одной рукой с хрустом переломил деревянную палочку пополам.

Бо Е выдавил из себя сиплый кашель, нервно облизнул губы и заискивающе пролепетал:

— Солнышко мое...

— Бо Е! — Тан Чжи резко развернулся и влепил мужчине звонкую пощечину. Краска стыда залила его лицо до самых ушей. Капризный, по-детски нежный голосок зазвенел от неистовой обиды, срываясь на рыдания: — Я же просил тебя остановиться!

Не удовлетворившись этим, он изо всей силы стукнул любовника кулаком в грудь, вскочил со стула и бросился прочь из столовой.

Бо Е рванулся было следом, но на полпути передумал, развернулся, с грохотом ударил ладонью по столу и, ткнув пальцем в сторону Эньцзиня, прошипел:

— Ну все, урод, ты у меня доигрался...

Эньцзинь изящно выплюнул рыбную косточку, поднял на него кристально чистые, полные искреннего недоумения глаза и кротко отозвался:

— Слушаю тебя внимательно.

Договорить Бо Е не сумел. Смотреть в эти невинные, полные святой простоты глаза было выше его сил — возникало стойкое ощущение, будто он избивает младенца. Мужчина раздраженно цыкнул зубом и брезгливо кивнул на Эньцзиня, обращаясь к Гу Мэну:

— Забери свое сокровище и держи на коротком поводке. Если продолжишь выпускать его к людям без намордника, его рано или поздно прибьют.

— Да-да, конечно. Беги скорее за своим Канди, — поспешно закивал Гу Мэн.

Убедившись, что буря миновала, Гу Мэн шумно выдохнул. Цинь Цзинцзин, едва сдерживая смех, восторженно уставилась на нарушителя спокойствия:

— Эньцзинь, ты просто чудо. С тобой не соскучишься.

Эньцзинь искренне не понимал, что в нем забавного. Повея плечами, он вернулся к своей порции. Гу Мэн, чувствуя, как начинает разламываться голова, замахал на девушку руками:

— Цзинцзин, умоляю, не подливай масла в огонь.

Девушка перевела взгляд с одного на другого и совершенно серьезно произнесла:

— Если мы выберемся из этого ада живыми и когда-нибудь встретимся в реальности, я бы очень хотела с вами подружиться.

Гу Мэну тоже пришлось по душе эта скромная гостья. Пусть внешне она казалась хрупкой и незащищенной, внутри у нее чувствовался крепкий стержень. Она умела стоять на своем, обладала редким чувством справедливости и твердыми принципами.

Ближе к ночи Тан Чжи, прислонившись спиной к прохладной стене, сидел посреди кровати. Перед ним были разложены три исписанных листа бумаги. Наверху каждого красовались крупные буквы: А, В и О, а под ними тянулись списки имен погибших игроков.

В графе В пока значилось лишь имя Чэня Лянчжи, а лист с буквой О венчал Ван Кэлэ.

Пытаясь расшифровать аббревиатуру, юноша подбирал всевозможные англоязычные слова, начинающиеся на эти буквы. Однако ни одна комбинация не позволяла выстроить логическую цепочку, связывающую смерти игроков. Тан Чжи то и дело покусывал кончик карандаша и тихо бормотал под нос:

— Если ключ кроется в рассылке... Ван Кэлэ проигнорировал СМС, и его поместили как О. Значит, О — это Over? Пропущенный шаг?

— Чэнь Лянчжи затеял все это, так что В — от слова Begin, начало. Но что тогда означает А?

Вычеркнув очередную догадку, Тан Чжи озадаченно склонил голову набок. Все не то.

— Если разгадка кроется в Эньцзине... Чэнь Лянчжи враждовал с ним, поэтому получил литеру В... — вновь зашептал он.

Бо Е стоял у двери. Вытянувшись в струнку, он тоскливо наблюдал, как его возлюбленный сосредоточенно строчит на листах, что-то нашептывая себе под нос. Отсюда ему отлично была видна складка между соболиными бровями юноши и его припухшие губы, которые тот забавно выпячивал, когда глубоко задумывался.

— Канди... — жалобно позвал Бо Е.

— Молчи, — отрезал Тан Чжи, даже не подняв взгляда. Тонкий грифель продолжал летать по бумаге, а лоб прорезала еще более глубокая морщинка. — И не смей ко мне приближаться. Стой там и думай над своим поведением!

Бо Е прикусил губу. Он попытался было размять затекшие колени, но, встретив ледяной взгляд своего маленького принца, обреченно опустил обратно на колени на холодный пол. Последний раз его наказывали так сурово много лет назад, когда после очередного делового банкета он вернулся домой с подозрительным следом помады на воротнике рубашки.

В общежитии 620, за тонкой перегородкой, царила совсем иная атмосфера. Гу Мэн подпирал письменный стол, а Эньцзинь, виновато ссутулившись, сидел напротив него на стуле, словно нашкодивший школьник на ковре у директора.

Их просветительская беседа длилась уже битый час. Все это время Гу Мэн, тщательно подбирая приличные синонимы и путаясь в метафорах, пытался на пальцах объяснить непонятливому соседу, каким именно ласкам предавались ночью Бо Е и Тан Чжи.

Под конец Гу Мэн изнуренно выдохнул:

— Ну, теперь-то ты уяснил? О таких вещах неприлично распространяться прилюдно.

Эньцзинь поднял на него свои бездонные глаза и с пониманием кивнул:

— Вот оно что. Выходит, я истолковал их действия превратно.

Гу Мэн опешил:

— То есть как?

— Я полагал, Бо Е просто помогает Канди делать гимнастику, — невозмутимо и со всей серьезностью изрек Эньцзинь. — А они, оказывается, предавались плотским утехам.

Гу Мэн лишился дара речи.

«Плотским... утехам? И где он только набрался этих выражений?»

После дневных потрясений каждый засыпал с тяжелыми мыслями. Очередная ночь, полная неясных тревог и подозрений, миновала на удивление спокойно.

На следующий день наступила суббота. Из репродукторов больше не гремела радиогимнастика, поэтому игроки позволили себе поспать подольше. Встречаясь в коридоре, представители противоборствующих лагерей больше не утруждали себя даже дежурными кивками.

Около десяти часов утра в дверь Гу Мэна неистово забарабанили. На пороге стояла Шуйсин. Девушка была бледнее смерти, а в ее расширенных от ужаса глазах плескалась паника.

Сердце Гу Мэна тревожно екнуло. Нахмурившись, он спросил:

— Что стряслось?

— Цинь Цзинцзин пропала!

<http://bllate.org/book/19652/1979335>